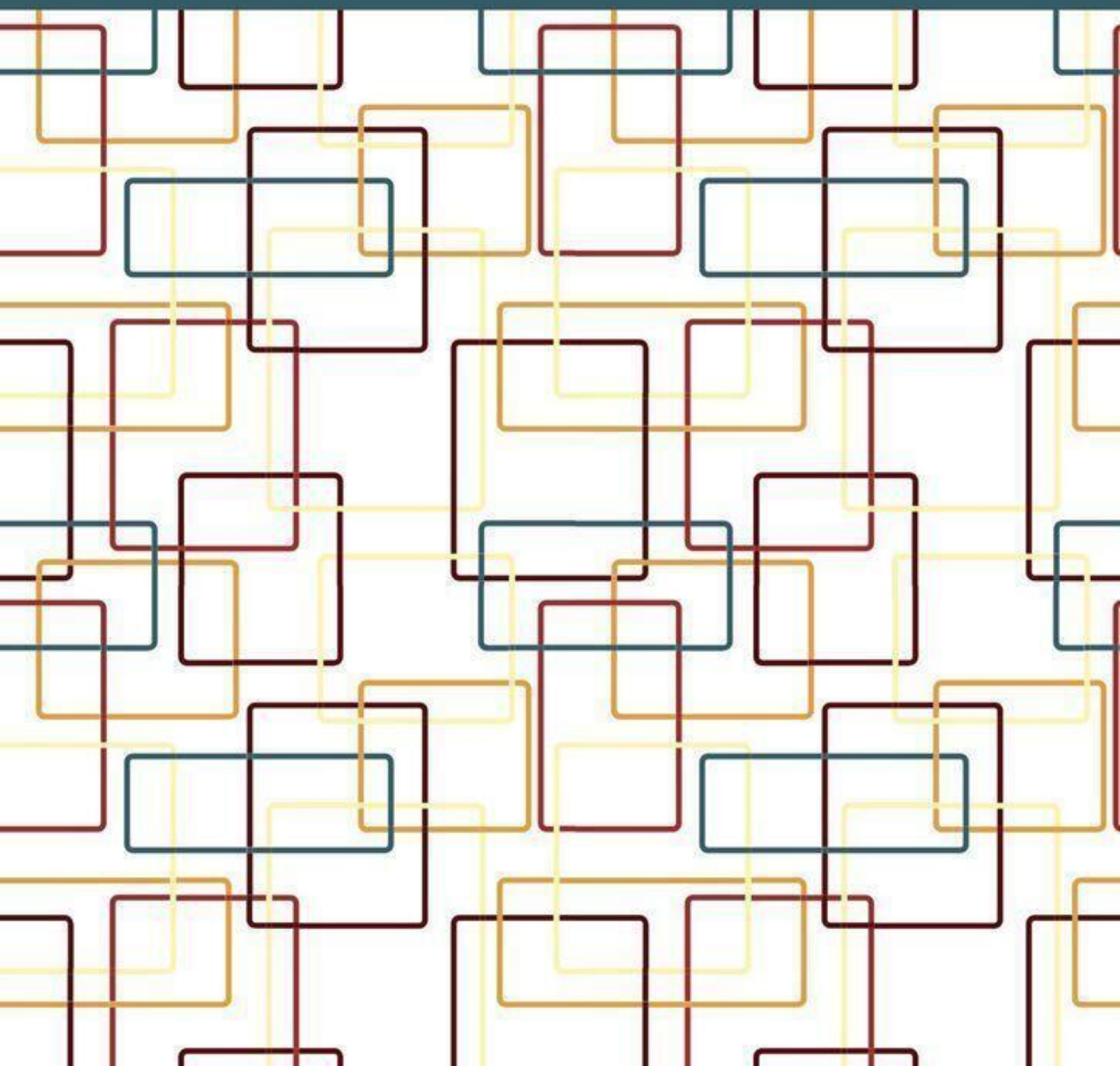

18+

Арина Лорель

Апельсины в ноябре

Арина Лорель

Апельсины в ноябре

«Издательские решения»

Лорель А.

Апельсины в ноябре / А. Лорель — «Издательские решения»,

Тринадцать квадратных метров студии в Лиссабоне, чемодан у двери и чувство, что жизнь застряла между этажами. Вера сбегает от московской суеты, развода и собственной усталости в город, где по утрам падают апельсины. Она не ищет любви — она ищет себя. Но Лиссабон дарит больше: соседку, которая стучит шваброй в потолок, старого пса, лежащего на подушку, учителя географии с картами на стенах и забытое чувство, что можно просто сидеть на скамейке и смотреть на реку.

© Лорель А.

© Издательские решения

Апельсины в ноябре

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-6846-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апельсины в ноябре

****Квартира пахла деревом и чужим кофе.****

Не моим — тем, который остался от прошлых жильцов, впитался в стены, въелся в половицы. Тринадцать квадратов студии в Алту-ду-Бонфим — потолки здесь были такими высокими, что шаг возвращался эхом через секунду, будто кто-то невидимый переспрашивал: «Ты уверена?»

Я не была уверена.

Чемодан у двери, второй у окна, третий, маленький, приткнулся к кровати без спинки. Билет я взяла за три дня до вылета, в ту бессонную ночь, когда на московской кухне вдруг поняла: если не сяду в самолёт, то завтра же отвечу Артёму. А отвечать было нечего. «Как ты?» — через два месяца после того, как разбежались. «Нормально» — это стала бы главная ложь года. Возможно, всей жизни.

Поэтому — Лиссабон.

Я была здесь один раз, восемь лет назад, с Катей, пока та ещё не вышла замуж за своего португальца. Тогда мы пили зелёное вино в Алфаме, и какой-то старик с глазами цвета мокрого гранита сказал: «У вас глаза цвета моря после бури». Я смеялась, мне было двадцать пять, на мне было красное пальто, и казалось, что жизнь — это лестница, которая ведёт только вверх.

Теперь я знала: жизнь — не лестница. Это лифт, который застревает между этажами, и ты сидишь в полутьме, слышишь только своё дыхание и не знаешь, звать на помощь или просто ждать, пока кто-нибудь придёт. Или пока не надоест ждать.

Я ждала.

Первый вечер я провела на полу, обхватив колени. Телефон показывал девять вечера — по московскому, а здесь солнце только начинало золотить крыши, разливая по черепице тёплый, густой мёд. В узкое окно с железными петлями ставен было видно апельсиновое дерево во дворе. Оно росло прямо из трещины в плитке, упрямо, назло, и ветки гнулись до земли от тяжести плодов.

«Им никто не помогает», — подумалось мне. И почему-то это было важно. Будто дерево знало какой-то секрет, до которого мне ещё предстояло добраться.

Ужин я заказала через приложение из местной забегаловки — название не запомнила, что-то с «Casa» и кучей гласных, которые португальцы проглатывают, как будто торопятся дожить до десерта. Через двадцать минут мальчишка лет семнадцати на раздолбанном велосипеде привёз бумажный пакет, перевязанный газетой, и улыбнулся мне как старой знакомой. Наверное, здесь все так улыбаются — сразу, без причины.

Треска. Солёная, сухая, с картошкой и оливками. Я не хотела есть, но открыла контейнер и жевала прямо на полу — стол был, а стул я в темноте не нашла, да и не искала. Рыба оказалась невкусной. Перемороженной, с тем противным запахом, когда продукт размораживают второй раз. Я жевала и плакала. Не от жалости к себе — что-то другое, вроде облегчения: «Наконец-то я никому ничего не должна». Ни мужу, который последний год смотрел сквозь меня, как сквозь стекло. Ни начальнице с её «балластом» на совещаниях. Ни подругам, которые твердили «всё будет хорошо» так часто, что даже они перестали в это верить.

Я доела. Вытерла пальцы о газету. Легла на голый матрас и уснула под городской шум: собачий лай, чей-то смех внизу, далёкий гул метро под землёй — будто город дышал, и я дышала вместе с ним.

Утром я не сразу поняла, где я.

Потолок слишком высок, свет слишком жёлт, за окном говорят на языке, где я различаю только «pois» и «obrigada». Я лежала минуту, две, три: вчерашний перелёт, таксист, высадивший меня на три дома раньше, ключ, не повернувшийся с первой попытки. Всё правильно. Всё случилось. Всё — уже случилось.

Я встала, нащупала босыми ногами холодную плитку, подошла к окну.

Лиссабон сверху оказался некрасивым. Серые черепичные крыши с заплатками, антенны, ржавые бочки, верёвки с бельём, сохнувшим на ветру. Где-то в тумане угадывался мост 25 апреля — он уходил в белую дымку, и нельзя было понять, где кончается город, где начинается река, а где — просто небо.

Но апельсиновое дерево внизу — было прекрасным. Ветер шевелил листву, и один плод упал на плитку — глухо, мокро, — и лежал никому не нужный. Я не пошла его поднимать.

На кухне нашлось три вещи: старая итальянская кофеварка с ободранной ручкой, пачка овсянки с истёкшим сроком годности и бутылка оливкового масла без этикетки. Я сварила кофе — он получился густым, с горчинкой, почти смоляным, — залила хлопья кипятком. Они пахли картоном, но я съела, потому что надо было хоть что-то сделать: проглотить, начать день, запустить время.

И тут — стук.

Сначала в дверь. Нет — снизу, коротко, ритмично: тук-тук-тук. Я выглянула в окно и увидела женщину лет шестидесяти в цветастом халате. Она стояла во дворе, опираясь на швабру, и смотрела на меня — пристально, без стеснения, как смотрят на новую кошку во дворе.

— Bom dia! — крикнула она.

Я не ответила. Не потому, что не знала португальского (я знала только «обригада» и «уэнж бауш»), а от испуга. В Москве соседи не здороваются. В Москве соседи делают вид, что стена — это граница, и пересекать её не положено.

Она повторила. Громче. С улыбкой, которая обещала: «Я буду стучать каждый день, пока вы не ответите».

— Bom dia, — сказала я, высунув голову.

Она кивнула, довольная, будто я сдала экзамен, и ушла, оставив швабру прислонённой к стене. Я улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему, не вежливо, не дежурно.

Потом я сидела на подоконнике с кофе и думала о том, что во мне сломалось за три года. Не из-за развода — развод был следствием, а не причиной. Я перестала замечать мелочи. Вкус кофе — пила, чтобы проснуться. Запах дождя — просто брала зонт. То, что муж смотрит в телефон, когда я говорю, — замолкала на полуслове, не дожидаясь ответа.

Не знаю, когда это случилось. Может, когда меня повысили до главного редактора. Или когда маму положили с сердцем и я три недели спала на стуле в коридоре. Или когда Артём сказал: «Ты стала другой», а я не спросила — какой. Потому что боялась услышать.

Лиссабон был попыткой вспомнить. Вспомнить ту, которая не боялась вопросов.

Я оделась — джинсы, белая футболка, кеды — и вышла без карты. Правило номер один: первые три дня без навигатора. Только ноги, глаза и чувство, что можно потеряться и не умереть. Можно вообще не найтись — и это не страшно.

Я пошла вниз по улице с тротуаром из белой и чёрной плитки, уложенной морскими волнами. Море — под ногами. Через два квартала — маленькая площадь с фонтаном без воды, только монетки и сухие листья на дне. Столики кафе пустые — половина девятого утра, Лиссабон ещё спит, потягивается за ставнями.

Продавщица в булочной мыла витрину. Я показала пальцем на паштел-де-ната, заплатила евро двадцать, съела на скамейке у фонтана. Тёплое. Хрустящее. Крем вытекал на пальцы, и я облизывала их, как в детстве.

И подумала: «Вот. То, чего не было три года. Я просто ем пирожное в городе, который не знает моего имени, и мне не надо спешить».

Я сидела минут двадцать. Смотрела на старика в пижаме с собакой, чихающей через каждый шаг. На подростков на самокатах — один кричит другому: «Calma, saralho!» На кошку, которая прыгнула с крыши на кондиционер и застыла перед голубем, будто раздумывая, стоит ли игра свеч.

Вернувшись, я открыла ноутбук и написала письмо.

Не Артёму. Не маме. Не подруге.

Себе.

**«Привет. Это ты восемь лет назад. Сидишь в Алфаме, пьёшь зелёное вино и не знаешь, что через восемь лет будешь сидеть здесь же, но одна. Не расстраивайся. Всё, что случится, — правильно. Даже то, что болит. Даже развод. Даже увольнение. Потому что в конце ты всё равно наденешь кеды и пойдёшь есть паштел-де-ната на скамейке без карты. И это будет лучший завтрак в твоей жизни». **

Я не отправила. Сохранила в черновиках. Потому что сегодняшняя история ещё не кончилась. А за окном снова стучали шваброй по потолку — Клаудия проверяла, здесь ли я, дышу ли.

На четвёртый день я сделала глупость.

Взяла карту. Не телефонную — настоящую, бумажную, из киоска на площади Фигейра. Она пахла типографской краской и складывалась так хитро, что обратно уже не хотела. Я брела по улице Августа с этим огромным листом, похожим на карту сокровищ, и чувствовала себя туристкой, которую ограбят на первом же углу.

Лиссабон отбивался, как дикий кот.

Я искала улицу, где когда-то жила Катя, — Руа-ду-Норте, что-то такое. Карта врала. Или я не умела её читать. Улицы изгибались, названия менялись после каждого перекрёстка, и через полчаса я стояла на лестнице, уходящей в пустоту, с чувством, что город тихо ржёт надо мной, прикрываясь черепицей.

— Precisas de ajuda?

Я обернулась. Парень в кепке козырьком назад, с тележкой для сумок, жевал жвачку, смотрел с любопытством. На футболке — доставка.

— I'm looking for Rua do Norte, — сказала я, надеясь, что английский звучит увереннее, чем я себя чувствую.

Он улыбнулся, мотнул головой, быстро выдал что-то по-португальски — я поняла только «нау» и «алегре». Потом перешёл на ломаный английский:

— This street not here. You need go down, then left, then up, then right, then down again.

Я засмеялась.

— Это Лиссабон, — сказала я по-русски себе под нос. — Здесь всё «вниз-влево-вверх-снова-вниз».

Он кивнул, будто понял, показал направление. Я сунула карту в рюкзак, сдалась и пошла наугад — вверх, потому что вниз была только река, а к реке я ещё успею.

Через десять минут я нашла то, что не искала.

Маленькая лавка, зажатая между двумя домами, как книга на тесной полке. Вывеска — «Azulejos do Manuel», буквы выцвели, некоторые не разобрать. В витрине — синие с белым изразцы. Я замерла. Азулежу. Я забыла, как сильно они меня затягивали восемь лет назад. Эти плитки — драконы, виноград, волны, птицы.

Тогда я купила маленькую, с петухом. Она разбилась при переезде в квартиру, где мы с Артёмом только начали жить. Я не заметила, как она исчезла. Или заметила, но не придала значения — петух, безделушка.

Сейчас я стояла у витрины и знала: мне надо войти.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладким — может быть, печеньем, которое кто-то спрятал в ящике стола. Стены были покрыты изразцами от пола до потолка, и от этого синего изобилия у меня закружилась голова.

— Bom dia, — сказали из глубины.

Из-за занавески вышел мужчина. Не старик, как я ожидала, а лет пятидесяти, в очках в тонкой оправе и клетчатой рубашке, заправленной в джинсы. Он был похож на профессора, сбежавшего в керамику, — и от этого стал ещё привлекательнее.

— Você fala inglês? — спросила я.

— Falo. И по-французски немного. И по-русски два слова. — Он поднял два пальца: — «Водка» и «спасибо».

— Спасибо — уже неплохо, — сказала я по-русски.

Он засмеялся, и смех у него был глубокий, как колодец.

— Меня зовут Карлуш. Все зовут Каз.

— Почему Каз?

— Потому что Manuel — это мой дядя, — кивнул он на вывеску. — А я просто племянник, который рисовать не умеет, но продавать — да. И петь фаду. Но это другая история.

Я ходила по лавке, трогая изразцы кончиками пальцев. Одни — шершавые, как наждак, другие — гладкие, как лёд. Карлуш не мешал. Он сел на высокий табурет, достал кружку с кофе и наблюдал за мной с мягким любопытством, как смотрят на человека, который вот-вот что-то поймёт.

— Вы купите что-то или просто смотрите? — спросил он без давления. Просто так.

— Ищу плитку с петухом, — сказала я. — Как ту, что разбила восемь лет назад.

— Barcelos, — кивнул он. — Петух из Барселуша. Легенда о спасённом невиновном. Хороший выбор.

Он прошёлся вдоль стены, снял одну плитку, потом другую, третью.

— Это — современная. Это — старая, из пятидесятих. Это совсем старая, но с трещиной в углу.

Я взяла ту, с трещиной. На ней был не просто петух — целая сцена: женщина в платке, петух на руках, виноградная лоза вокруг обоих, будто они срослись.

— Сколько?

— Для той, кто разбила свою первую птицу? — Он задумался, постучал пальцем по подбородку. — Двадцать евро. Но через месяц вернётесь и покажете, где повесили.

— Откуда вы знаете, что я буду здесь через месяц?

— А будете? — Он смотрел поверх очков. Спокойно, без насмешки. Будто знал что-то, чего я ещё не знала.

— Буду, — сказала я. И сама удивилась, как легко это вышло.

Я заплатила. Карлуш завернул плитку в коричневую бумагу, перевязал бечёвкой, нарисовал на упаковке улыбающегося петуха.

— Съешьте паштел-де-ната по дороге, — сказал он на прощание. — Вон там, наискосок. Лучшие в Алфаме.

Я вышла и правда увидела кафе. Другое, меньше, грязнее, с пластиковыми стульями, которые скрипели от любого движения. За стойкой стояла женщина с руками в муке. Молча положила передо мной тёплый пирожок, даже не спросив, буду ли я платить.

Я заплатила. Съела. Облизала пальцы.

И почувствовала: хочу писать. Не посты, не письма, не заметки для работы. А что-то простое. Бумажное. Чтобы оставались следы.

Я нашла скамейку на краю смотровой площадки — вид на крыши и реку. Достала блокнот, купленный вчера в канцелярской лавке, где продавец полчаса объяснял разницу между линованной и клетчатой бумагой, хотя я не спрашивала. Ручка была синей, обычной; колпачок я сразу потеряла.

**«Привет. Сегодня я поняла: жизнь может быть простой. Ты идёшь по улице, заходишь в лавку, покупаешь плитку с трещиной, ешь пирожное, сидишь на скамейке. Ничего особенного. Но это «ничего» чувствуется иначе, когда не надо бежать. В Москве ты этого не замечаешь. Или замечаешь, но забываешь — впереди дедлайн, совещание, звонок, долг. Здесь дедлайнов нет. Здесь только улица. И она помнит тебя, даже если ты тут первый раз». **

Я перечитала. Сжала зубы. И добавила:

**«Я купила петуха. Того, который разбила. Теперь есть новый». **

Ветер с реки был холодным, солнце уже припекало. Я смотрела на мост 25 апреля, уходящий в туман, и думала: некоторые вещи можно пережить, так и не поняв их. Развод, например. Я до сих пор не знала, в какой момент мы с Артёмом перестали быть «мы». Может, это случилось не в один день. Может, понемногу каждый день — как вода точит камень, который и не замечает, что его становится меньше.

Я убрала блокнот, встала и пошла вниз. В маленьком продуктовом взяла хлеб, сыр, помидоры, бутылку зелёного вина за два евро. Продавец завернул её в газету, как хрупкую вещь.

Дома я нарезала всё на доске, которую нашла в шкафу, села на подоконник и ела под радио — тягучее, грустное. Наверное, фаду, хотя я не уверена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.